

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-1-53-60

Выразительный потенциал диалектизмов в прозе Федора Абрамова (К 100-летию со дня рождения)

Андрей Васильевич Петров

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия,
e-mail: avpetrov@atknet.ru*

В статье рассматриваются диалектизмы как выразительное средство в прозе писателя Ф. А. Абрамова, уроженца и певца Русского Севера. Диалектизмы отражают архетипы национальной культуры, обладают большим изобразительно-образным потенциалом. В статье показано, что Федор Абрамов, выступавший за свободу выбора языковых средств в художественных произведениях, активно и мастерски использовал в своем творчестве богатство народного языка во всем его разнообразии – все типы диалектизмов, выполняющих номинативную, характерологическую и стилистическую функции. Наиболее показательными диалектизмами являются этнографизмы, значение которых в полной мере проявляется в художественном контексте. Северные диалектизмы позволяют Ф. А. Абрамову подчеркнуть важные смыслы, дать адекватную характеристику персонажам, сформировать образную систему произведений.

Ключевые слова: *Федор Абрамов; диалектизмы; функции диалектизмов; семантизация диалектизмов; сравнения; метафоры; фразеологизмы*

Ссылка для цитирования: *Петров А. В. Выразительный потенциал диалектизмов в прозе Федора Абрамова (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 1. – С. 53–60. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-1-53-60.*

The Expressive Potential of Dialectisms in the Prose of Fedor Abramov (To the 100th Anniversary of the Birth)

Andrey V. Petrov

*Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,
e-mail: avpetrov@atknet.ru*

The article considers dialectisms as an expressive tool in the prose of F. A. Abramov, a writer who was born and devoted his professional life to Russian North. Dialectisms reflect national cultural archetypes, thus having a significant visual and figurative potential. It is shown that Fedor Abramov, who promoted the freedom of linguistic choice in artistic expressions, actively and skillfully applied the folk language in all its diversity, including all types of dialectisms that perform nominative, characterological and stylistic functions. Ethnographisms are considered as a prominent examples of dialectisms, whose meanings are fully manifested in a literary context. The use of northern dialectisms allowed Abramov to emphasize important meanings, give an adequate characterization of characters and form a figurative system of expressions.

Keywords: *Fedor Abramov; dialectisms; dialectic functions; semantization of dialectisms; comparisons; metaphors; phraseological units*

A reference for citation: *Petrov A. V. The expressive potential of dialectisms in the prose of Fedor Abramov (To the 100th Anniversary of the Birth). In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2020, vol. 81, № 1, pp. 53–60. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-1-53-60.*

«В краю родникового слова» — назвал русский писатель Федор Александрович Абрамов (1990—1983) один из своих очерков, в котором без ложного пафоса заметил: «Быть может, самый большой, самый непреходящий вклад Севера в сокровищницу национальной культуры — это слово. Живое народно-поэтическое слово, в котором полнее и ярче всего запечатлелась душа северянина, его характер» [Абрамов 1986: 31]. Действительно, русский Север остается источником для изучения подлинно народного словотворчества, живого народного слова. Уроженцы северного края, и среди них Федор Абрамов, внесли значительный вклад в современную русскую литературу именно благодаря животворному северному слову.

Стихия живой народной речи может и должна быть зафиксирована в художественном литературном творчестве, поскольку такая фиксация является надежным способом сохранения и преумножения речевого богатства народа.

Значимость для литературы и языка диалектизмов неоспорима. Речь деревни представляет собой пласт, восходящий к истокам народной культуры, народной духовности: «Русская деревня (да и не только русская) связана с сохранением архетипа национальной культуры, национального языка, и именно поэтому так важны диалектизмы для русской литературы» [Самотик 2016: 235]. Федор Абрамов, выступая с докладом «О хлебе насущном и хлебе духовном» на VI съезде писателей СССР, утверждал: «Деревня — наши истоки, наши корни. Деревня — материнское лоно, где зародился и складывался наш национальный характер» [Абрамов 1986: 37], а в речи в день своего 60-летия сказал: «Русская деревня — это та нива, на которой всколосилась вся наша национальная культура, наша этика, нравственность, наша философия, если хотите, наш чудо-язык» [Там же: 175].

Федор Абрамов, подлинный певец северной деревни, северного духа, основным источником своего художественного творчества считал образность народной северной речи: «Язык современной деревни — яркий, сочный, забористый и задиристый. <...> Когда я приезжаю в деревню, я буквально омываюсь в живых родниках речи» [Абрамов 1986: 449—451].

Федор Абрамов заметил в одном из интервью: «В своем творчестве я ориентируюсь прежде всего на звучащую устную современную речь. Деревенская речь современного Севера — а все мои герои, как правило, оттуда — неисчерпаемая кладовая. Север хранит заповедный русский язык, и в частности моя Пинега. Возьмите наше слово “зарод”, равнозначное общерусскому “стог”. Со сколькими словами оно связано!.. “Природа”, “зародыш”, “родник” (в двух значениях), “народ”, “сродник”... Воистину выплеснулось из родникового языка...» [Абрамов 1986: 448—449]. Вот, например, как живет это самое слово в первом романе Ф. Абрамова «Братья и сестры»:

Марфа Репишная, моложавая Дарья, Варвара и еще несколько женок, прикрывая головы платками, кинулись к ближайшему *зароду* — высокому стогу длинной кладки.

Как видим, писатель считает необходимым пояснить значение диалектного слова в тексте;

Там, внизу, за огородами, — голубые разливы лугов с чернеющими шапками *зародов*. —

а здесь диалектизм уже участвует в создании метафоры.

И. А. Попов, исследовавший функционально-стилистическую роль областной лексики в романе Ф. Абрамова «Братья и сестры», отмечал: «Диалектизмы играют важную смысловую и стилистическую роль в правдивом, реалистическом изображении одной из далеких пинежских деревень Пекашина. Они не только способствуют созданию специфических, тонких нюансов произведения о деревне, но и делают изображение живым, реально осязаемым, переносящим читателя в тот мир, в котором живут и действуют герои романа» [Попов 1971: 365].

Федор Абрамов активно и мастерски использует в своем творчестве все типы диалектизмов, которые согласно традиционной классификации принято делить на этнографические, собственно-лексические, лексико-словообразовательные, лексико-семантические, а также морфологические, синтаксические и фонетические (см.: [Прохорова 1957: 118—119]).

Черты северных говоров в художественном контексте Ф. А. Абрамова не представляются чужеродными вкраплениями, они

являются органичной составляющей речи писателя, для которого северный говор был родным, материнским языком, ему не нужно было выискивать, собирать, запоминать, осваивать северную лексику, особенности северной фонетики и грамматики, чтобы вставить их в произведение как номинативное или образное средство, он буквально «транслирует» северный говор в художественный дискурс, становясь проводником и защитником родного языка, тем самым повышая его статус.

Принято различать «цитатное» употребление диалектизм, при котором они воспринимаются как заведомо иностильевой элемент, и использование диалектизм на равных правах с литературной лексикой как стилистически равноценных средств, Ф. Абрамов предпочитает второй подход. Существуют различные способы введения диалектизм в художественный текст, их семантизации: прямое толкование диалектного слова в сносках или скобках, разъяснение его значения в тексте и его контекстуальная семантизация либо посредством общеизвестных синонимов, либо с помощью контекстного окружения.

Диалектизмы в прозе Федора Абрамова выполняют все традиционно выделяемые функции: номинативную — локализация изображаемых событий, создание местного колорита; характерологическую — прикрепление персонажа к определенной этнографической и социальной среде, индивидуализация речи героев; стилистическую — создание художественной образности и выразительности, а также комического эффекта. «Нахождение точного соотношения диалектной и общеупотребительной лексики — важный фактор жизнеспособности, художественной выразительности, популярности произведения. В умении найти искомые пропорции Ф. Абрамов показал свой талант владения языком» [Цзяньган 2001: 123–124].

Номинативная функция диалектизм направлена на создание местного колорита, на отражение подлинной народной речи конкретной местности. Приведем некоторые примеры.

Зубанить ‘смеяться, острить, зубоскалить; насмехаться над кем-либо’¹ — лексико-слово-

образовательный диалектизм, внутренняя форма которого проясняется в контексте, очевидный корень *зуб-* связывает данное слово с общеупотребительными словами со сходным значением: *зубоскалить* ‘насмехаться над кем-нибудь, а также вообще смеяться, шутить’, *зубастый* ‘язвительно-насмешливый, дерзкий и острый на язык’²: *Порохины, зубанили в Копанях, первые богачи в деревне. По прозвищам — сразу два* («Чистая книга») — здесь дается ироническая характеристика безалаберного и невезучего семейства; *Бывало, взрослые начнут зубанить — жаром нальются уши, вот-вот, думаешь, огонь перебросится на волосы — мягкие, трепаные, как ворох ячменной соломы* («Две зимы и три лета») — восприятие речи взрослых маленьким Егоршей.

Сряда ‘нарядная праздничная одежда’³ — лексико-словообразовательный диалектизм, корень слова известен литературному языку — *нарядить* ‘одеть в красивое, новое или необычное платье’⁴: *Вся эта сряда досталась ему от покойного отца, который любил при случае щегольнуть* («Чистая книга») — семантизации диалектизма помогает глагол *щегольнуть*.

Характерологическая функция диалектизм проявляется в создании речевой характеристики героев.

Важнейшим персонажем незавершенного романа Ф. Абрамова «Чистая книга» должна была стать Махонька — прозвище героини Марьи Екимовны позаимствовано у известной пинежской сказительницы Марьи Дмитриевны Кривополоновой, ставшей ее прототипом. Именно в речи самой Махоньки, в авторском описании ее внешности и действий наиболее ярко проявляется образная, выразительная составляющая беловых глав книги:

Стоит старушечка-говорущечка, шубейка старенькая с разводами, котомочка за спиной, на руке коробок с кусочками, прикрытый белой холстиной, — и поклон, к каждому слову поклон, — ни дать ни взять, из сказки вывалилась; Маленькая, крохотная старушонка в старенькой заношенной шубешке раструбами, с котомочкой за плечами, с коробкой на руке и багожком.

Обращают на себя внимание слова с суффиксами субъективной оценки,

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1991. — С. 237.

³ СРНГ. — СПб., 2006. — Вып. 40. — С. 331.

⁴ Ожегов С. И. Указ. соч. — С. 390.

¹ Словарь русских народных говоров. — Л., 1976. — Вып. 11. — С. 356 (СРНГ).

подчеркивающие внешнюю хрупкость, миниатюрность героини.

Органично в речи Махоньки звучат различные диалектизмы, значения которых проясняются в контексте:

Ой-ой, любеюшко! Запомнил; — Голубанушко, да ты-то чего испугался? — лексико-словообразовательные диалектизмы *любеюшко, голубанушко* используются как ласковые обращения к собеседнику, семантика их корней прозрачна, ср.: *любимый* ‘дорогой для сердца, такой, к которому обращена любовь’⁵; *голубчик* ‘ласково о человеке (обычно в обращении)’⁶;

— *Загунь!* — *с ходу обрезала его Махонька* — собственно-лексический диалектизм *загунуть* ‘замолчать, уняться’⁷, семантизация которого осуществляется с помощью метафорического употребления глагола *обрезать* ‘прервать чью-нибудь речь резким замечанием, оборвать’⁸;

Дак тот распалился и сына нарушил — грамматический диалектизм — союз-частица *дак* (причинно-следственные отношения), лексико-семантический диалектизм *нарушить* ‘убить’⁹, ср. *нарушить* ‘помешать нормальному состоянию, развитию чего-нибудь, прервать’¹⁰ — в диалектизме актуализируется сема ‘прервать’, в данном случае ‘прервать жизнь’;

Мужичонка попался некорыстный, пьеница... Бывало, каку коейку заробит, ту и пропьёт — лексико-семантический диалектизм *некорыстный* ‘бесхозяйственный’¹¹; фонетические диалектизмы: *пьеница* (переход [а] в [э] между мягкими согласными), *каку* (стяжение после выпадения интервокального *j*); лексико-словообразовательный диалектизм *рóbить* — ‘работать, трудиться; выполнять тяжелую физическую работу (обычно о крестьянской работе)’¹².

Стилистическая функция диалектизмов связана с созданием художественной выразительности, в частности тропов.

Метафоры:

На печи, свесив коротенькие ножки, сидел старый-престарый обабок с потухшими,

незрячими глазами. Ну разве это Махонька? («Чистая книга») — используется собственно-лексический диалектизм *обабок* ‘гриб’¹³, вряд ли известный широкому кругу читателей, однако характерологическое определение *старый-престарый* способствует его семантизации, ср. *старый пенёк*.

Лексико-семантический диалектизм *калить* в значении ‘ругать, бранить’¹⁴ сам по себе представляет метафору — данное действие уподобляется калению — сильному разогреву, накаливанию: *Валю калила — отвечай, девка, за отца* («Две зимы и три лета»).

Метонимия:

...в два голоса ревела ходуном ходившая зыбка, завешенная старыми цветастыми платишками («Дом») — этнографизм *зыбка* ‘детская колыбель (обычно подвешиваемая к потолку на шесте или пружине)’¹⁵.

Олицетворение:

...черное огневище варницы, первобытным оком глянувшее на меня из травы... («Братья и сестры») — лексико-словообразовательные диалектизмы с прозрачной внутренней формой: *огневище* ‘место, где был расположен костер’¹⁶; *варница* ‘котелок для варки еды над огнем вне дома’¹⁷.

Ночью, перед самым рассветом, на Пекашино налетел страшный ветер, или торох по-местному, и дров наломал — жуть! («Пути-перепутья») — собственно-лексический диалектизм *торох* ‘сильный ветер’¹⁸ употребляется в качестве уточнения к общепотребительному слову.

Эпитеты:

Остановится, поздоровается, да еще приветливое слово скажет: «День-то какой сегодня баской! Заслужили люди» («Две зимы и три лета») — широко известный собственно-лексический диалектизм *баской* ‘красивый, нарядный’¹⁹, в данном случае реализуется значение ‘благоприятный, погожий’.

Дорога туда — не приведи бог: сузёмная, тяжелая («Братья и сестры») — собственно-лексический диалектизм *сузёмный* от слова *сузём* (толкование см. ниже), в данном

⁵ Ожегов С. И. Указ. соч. — С. 335.

⁶ Там же. — С. 141.

⁷ СРНГ. — СПб., 1974. — Вып. 10. — С. 37.

⁸ Ожегов С. И. Указ. соч. — С. 434.

⁹ СРНГ. — СПб., 1985. — Вып. 20. — С. 139.

¹⁰ Ожегов С. И. Указ. соч. — С. 390.

¹¹ СРНГ. — СПб., 1986. — Вып. 21. — С. 62.

¹² Там же. — СПб., 2001. — Вып. 35. — С. 108.

¹³ Там же. — СПб., 1986. — Вып. 21. — С. 340.

¹⁴ Там же. — СПб., 1977. — Вып. 12. — С. 361.

¹⁵ Там же. — С. 30.

¹⁶ Там же. — СПб., 1987. — Вып. 22. — С. 324.

¹⁷ Архангельский областной словарь. — М., 1983. — Вып. 3. — С. 50 (АОС).

¹⁸ СРНГ. — СПб., 2011. — Вып. 44. — С. 286.

¹⁹ АОС. — М., 1980. — Вып. 1. — С. 120.

контексте выступает в значении 'труднопроходимый', который проясняется однородным синонимичным определением *тяжелый*.

Наиболее показательными диалектизмами являются этнографизмы, обозначающие «местные названия местных вещей», при их употреблении художественный контекст часто содержит развернутые, почти энциклопедические описания, проясняющие их значения.

Например, важной хозяйственной постройкой северного крестьянского дома является *поветь* 'верхнее помещение двухэтажного крытого двора'²⁰, которое предназначалось для хранения сельскохозяйственного инвентаря, сена, соломы, различного домашнего скарба. Контекст позволяет уточнить значение слова, конкретизирует описание данной части крестьянского дома.

Поветь чаще всего бывает просторной, на нее можно въехать на лошади с возом:

Ах, какой это был дом! Одних только жилых помещений в нем было четыре: изба-зимовка, изба-летница, вышка с резным балкончиком, горница боковая. А кроме них были еще сени светлые с лестницей на крыльцо, да клеть, да *поветь* саженей семь в длину — на нее, бывало, заезжали на паре, — да внизу, под *поветью*, двор с разными стайками и хлевами. («Деревянные кони»).

Поветь использовали для обмолота зерна:

А теперь овинов нету (все разорили за войну) — суши снопы на печи да околачивай по снопу на *повети* («Две зимы и три лета»); На *поветь* втащила Марья с новой партией сухих, пахучих снопов, и Илья застучал цепом. («Две зимы и три лета»).

На повети спали в жаркие летние ночи:

Белая ночь заглядывала на *поветь* через щели в крыше, в воротах, запертых на жердяной засов. («Две зимы и три лета»).

Поветь могла стать местом любовных свиданий:

Вспомнил, как белыми ночами ездил к Варваре с Синельги, вспомнил, как под прикрытием ночного тумана крался к ее дому, карабкался по углу на *поветь*-сеновал, жадно иссохшими губами припадал к ее сочному податливому рту... («Две зимы и три лета») —

приложение *сеновал* поясняет значение диалектизма.

Поветь может восприниматься как своеобразный музей крестьянской жизни:

С *поветью* меня познакомил Максим в первый же день (я сперва хотел спать на сеновале), и, помню, я просто ахнул, когда увидел то, что там было. Целый крестьянский музей! («Деревянные кони»).

Приведенные примеры подтверждают следующее суждение: «Диалектное слово на фоне литературной речи может становиться центральным, вбирая в себя основную мысль, создает сложный подтекст» [Самотик 2016: 255].

Весьма показательным представляется северный этнографизм *прясло* 'звено, часть изгороди от одного вбитого в землю столба, кола до другого'²¹. Есть у слова *прясло* и другое значение, именно оно легло в основу фамилии Пряслины, которую дал главным героям своей тетралогии «Братья и сестры» Федор Абрамов (до появления романа «Дом» трилогия носила название «Пряслины»): «На Севере *прясло* называют приспособление из продольных жердей на столбцах, предназначенное для сушки хлеба, льна, сена. В прошлом *прясла* были неотъемлемой принадлежностью северных полей, так как короткое северное лето и частые дожди не позволяли высушить и сохранить хлеб на земле» [Чаусова 1992: 74]:

Стоя на скамейке у *прясла*, она машинально наклонилась к снопам, лежавшим у ее ног, и так же машинально вешала их на жердины. («Братья и сестры»).

Глагол *пряслить* обозначает действие, связанное с использованием *прясла* в крестьянском хозяйстве:

На людях как-то забывались на время, рассывались в общей тревоге безрадостные мысли, а теперь, когда она *пряслила* одна, горькие раздумья не покидали ее. («Братья и сестры»).

Выбор фамилии Пряслины важен для осознания идейно-художественного содержания тетралогии: «*прясло* — основа народной жизни, символ сохранения хлеба, а Пряслины — могучая опора жизни деревни, ее стержень» [Чаусова 1992: 75]. На одном из своих выступлений писатель

²⁰ СРНГ. — СПб., 1992. — Вып. 27. — С. 237.

²¹ Там же. — СПб., 2011. — Вып. 33. — С. 92–93.

заявил: «Пряслины — это соль нашей земли! <...> Они живут, они повсеместно рассеяны, по всей нашей необъятной Родине, и они та могучая опора, на которой держится наша земля» [Абрамов 1986: 419–420].

Характерной особенностью климатических условий на Севере является северный ветер. Для обозначения этой природной реалии в северных говорах существует ряд самобытных наименований: *сiвер*, *сiверко*, *сiверок*, которые активно используются писателями и поэтами для создания колоритного образа Русского Севера.

Северный ветер в художественном контексте часто олицетворяется, наделяется свойствами живого существа со злым нравом, это существо способно выть, метаться, резвиться, бесноваться, разбушеваться, остервенеть, для его характеристики используются весьма показательные эпитеты: *злой*, *ледяной*, *холодный*, *резкий*, *разгулявшийся*, например:

сiверок: *И сосны не молчали сегодня — крепко, с остервенением раскачивал их сiверок* («Две зимы и три лета»);

сiверко: *Сiверко разбушевался — кепку рвало с головы. А уж телеграфные столбы стоном стонали* («Пути-перепутья»).

С помощью этого художественного образа писатель выражает свое отношение к происходящему: и без того тяжелые условия труда колхозников во время войны усугубляются природными катаклизмами, ставя сельских тружеников на грань жизни и смерти:

Отсеялись, отмучились с грехом пополам — ждали лета, но тут началось самое страшное: из-за навин опять дохнул *сiверок*. Свирепыми утренниками прибило первые жальца зеленой молодежи, до черноты опалило крохотную завязь на деревьях. Небывалый ветер бесновался в полях — пыль столбами крутилась над пашней. («Братья и сестры»).

Состояние природы сопоставляется с состоянием героини, получившей похоронку на мужа: параллелизм создает яркий образ, оказывающий большое воздействие на читателя:

Над Пекашином всю ночь выл, метался злой *сiверок*. Гнулись, припадали к земле иззябшие, страшные в своей наготе деревья, жалобно вызванивали стекла в рамах, тоскливо

взмывала во дворе голодная скотина, не чаявшая дожидаться теплых дней.

И всю ночь на полу, уткнувшись головой в подушку, охала, стонала раздавленная горем Анна («Братья и сестры»).

Диалектный глагол *северить* в значении ‘дуть с севера (о ветре)’ органично используется в функции предиката безличного предложения, выражающего атмосферно-метеорологическое явление, при этом подчеркивается его стихийность, непредсказуемость, неподвластность чьей-либо воле:

На улице было холодно, *северило*, мела поземка, а она бежала легко, без усталости, так, как бегала в лавку раньше («Пелагея») —

значение диалектизма проясняется синонимичным однородным предикатом *было холодно*.

Интересно использует Ф. Абрамов лексико-семантический диалектизм *русь*, соотносимый с литературным наименованием русской земли, которое переключается с названием древнерусского государства и часто употребляется в высоком стиле, отражая при этом многовековые русские традиции, исконные национальные обычаи. На Севере же под *русью* понимается также пространство рядом с деревней, в частности, расположенные рядом с домом сенокосные угодья, они противопоставляются дальним лесным сенокосам, болотистой таежной местности, а именно *сузём* — ‘большой дремучий лес вдаль от жилья; болотистая, поросшая кустарником местность’²²:

Кругом *сузём* — дремучий ельник, замшелый от седого лишайника, вековые буреломы да непролазные топи, затянутые коварной осокой резуньей. Солнце не может пробиться сквозь толщу хвои, и внизу темно, как в сумерках. Все живое покинуло *сузём*. («Братья и сестры»).

Словарь фиксирует такое значение слова *русь*: ‘поселение, обычно на открытом ровном месте’²³, однако оно представляется не совсем точным. В этом плане показательным является диалог героев в романе «Братья и сестры»: местная

²² СРНГ. — СПб., 2008. — Вып. 42. — С. 186–187.

²³ Там же. — СПб., 2001. — Вып. 35. — С. 273.

жительница Варвара объясняет приезжему из других краев Лукашину употребленное ею выражение:

— Что, комарики кусают? — посочувствовала Варвара, первой возвращаясь к избе от коровы. — Свеженького они любят. Известно дело, здесь не на *русси*.

— Не на *русси*?

Варвара удивилась: чего тут непонятого?

— У нас *русью*-то домашнее называют. А здесь, в *сузёме*, какая уж *русь*...

В романе «Дом» встречаем высказывание:

Дождь застал Михаила уже на *Руси*, то есть после того, как он из лесного *сузёма* выбрался в поля,

в котором также противопоставляются *русь* и *сузём* в северном понимании. Заметим, что написание слова *русь* варьируется: то с прописной, то со строчной буквы.

Использует Ф. Абрамов и диалектизм *малоробсия*, созвучный историческому названию современной Украины — Малороссия:

Он проводил взглядом крохотный серебряный крестик, поглядел на реку, на желтый песок, где бесновалась крикливая мелкота, или *малоробсия*, выражаясь по-пекашински... («Дом»).

Из контекста ясно, что это — лексико-словообразовательный диалектизм со значением ‘дети, малыши’, поскольку они малого роста, в словаре зафиксировано слово *малоробсье* ‘о стаде низкорослых коров’²⁴.

К народным выразительным средствам следует отнести диалектные фразеологизмы, а также пословицы, поговорки, при словья, употребляемые в определенной местности, см., например, метафорические устойчивые выражения из романа «Чистая книга»:

...а эти — что Савва, что Иван, что Огня — пороха не несут —

Федосья говорит о взрывном характере, несдержанности своих детей, на что Махонька пошутила, проявив языковую игру:

— А чего им *порох-то нести*, когда они сами Порохины?

Встречаются в незавершенном романе также образные народные поговорки: *На печи простужаются, а не за работой; Сороки в лесу от удивления раскричались.*

Федор Абрамов на полях подаренной ему книги Ольги Фокиной, известной поэтессы, активно использующей в своем творчестве выразительный потенциал народной речи, заметил: «Смелая. Я иногда стесняюсь употреблять некоторые слова (слишком местно), а Ф. — нет. Сколько хороших полузабытых слов или слов, которые стыдился сам употреблять. Сколько радости, задора, жизнелюбия. Читаешь — и летом, травой, водой пахнёт вокруг» [Крутикова-Абрамова 2003: 376]. Фраза «стыдился сам употреблять» свидетельствует о том, что писатель корректировал свой языковой опыт, стремился быть понятным читателям.

Исследователь языка писателя В. В. Горнак подчеркивает: «Ф. Абрамов в своей творческой эволюции преодолел некоторую избыточность в употреблении диалектных элементов, характерных, например, для романа «Братья и сестры». Это объясняется как ростом мастерства писателя, так и теми изменениями, которые произошли в народной речи (местном говоре) на протяжении послевоенных лет» [Горнак 1991: 12]. Однако в уже упоминавшемся исследовании диалектизмов именно в романе «Братья и сестры» читаем: «Комментарии автора к диалектным словам или включение этих слов в “поясняющий” контекст, относительно широкое распространение слова в говорах, прозрачность внутренней формы — все это делает диалектную лексику общепонятной, и она не выглядит инородным экзотическим вкраплением» [Попов 1971: 371].

Ярким образно-изобразительным средством, эффективно используемым Федором Абрамовым, позволяющим ему подчеркнуть важные смыслы, дать адекватную характеристику персонажам, сформировать образную систему произведений, являются слова и фразеологизмы, сравнения и метафоры, заимствованные писателем из народной речи. Большим выразительным потенциалом обладают различные типы диалектизмов, выполняющих разнообразие функции в произведениях поистине народного писателя, хорошо владеющего подлинной народной речью, умело использующего ее в своем

²⁴ СРНГ. — СПб., 1981. — Вып. 17. — С. 337.

творчестве. Диалектизмы в абрамовском контексте не представляются чем-то неуместным, непонятным, излишним, их использование органично, гармонично, целесообразно, они являются неотъемлемой и важной составляющей идиостиля писателя. Федор Абрамов черпает из родников народной речи замечательные выразительные средства, отбирает из них самые яркие и весомые, творчески их осмысляет, обрабатывает и щедро делится с читателями этими языковыми богатствами, возвращая их народу в художественной форме.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов Ф. А. Чем живем-кормимся. — Л., 1986.
- Горнак В. В. Система образных средств в творчестве Ф. А. Абрамова. — Минск, 1991.
- Крутикова-Абрамова Л. В. Жива Россия. Федор Абрамов: его книги, прозрения и предостережения. — СПб., 2003.
- Попов И. А. Областная лексика и ее функционально-стилистическая роль в романе Ф. Абрамова «Братья и сестры» // Поэтика и стилистика русской литературы. — Л., 1971. — С. 365–371.
- Прохорова В. Н. Диалектизмы в языке художественной литературы. — М., 1957.
- Самотик Л. Г. Диалектизмы как показатель народной духовности // Творчество В. П. Астафьева как воплощение регионального национального самосознания. — Красноярск, 2016. — С. 232–257.

Цзяньган Ли. К проблеме языкового мастерства Ф. А. Абрамова // Слово Федора Абрамова. — Архангельск, 2001. — С. 120–130.

Чаусова Т. Л. Функции фамилий в романе Ф. А. Абрамова «Две зимы и три лета» // Федор Абрамов и север. — Архангельск, 1992. — С. 72–81.

REFERENCES

- Abramov F. A. What we live, we feed. Leningrad, 1986. (In Rus.)
- Gornak V. V. The system of imaginative means in the work of F. A. Abramova. Minsk, 1991. (In Rus.)
- Krutikova-Abramova L. V. Alive Russia. Fedor Abramov: his books, insights and warnings. Saint-Petersburg, 2003. (In Rus.)
- Popov I. A. Regional vocabulary and its functional and stylistic role in the novel by F. Abramov «Brothers and Sisters». In *Poetics and stylistics of Russian literature*. Leningrad, 1971, pp. 365–371. (In Rus.)
- Prokhorova V. N. Dialectisms in the language of fiction. Moscow, 1957. (In Rus.)
- Samotik L. G. Dialectisms as an indicator of folk spirituality. In *Works by Astafyev V. P. as the embodiment of regional national identity*. Krasnoyarsk, 2016, pp. 232–257. (In Rus.)
- Tsyan'gan Li. To the problem of language proficiency Abramova F. A. In *Word of Fedor Abramov*. Arkhangelsk, 2001, pp. 120–130. (In Rus.)
- Chausova T. L. Functions of surnames in the novel F. A. Abramova «Two winters and three summers». In *Fedor Abramov and the North*. Arkhangelsk, 1992, pp. 72–81. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Андрей Васильевич Петров, доктор филологических наук, доцент, кафедра русского языка и речевой культуры, Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова; набережная Северной Двины, д. 17, Архангельск, 163002, Россия

Andrey V. Petrov, Dr. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Russian Language and Speech Culture, Higher school of Social and Humanitarian Sciences and International Communication, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov; Severnaya Dvina embankment, 17, Arkhangelsk, 163002, Russia